

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П88

Пумпянский, Александр.

П88 Диктаторы и террористы. Хроники мирового зла /
А. Пумпянский. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-17-106069-5

Любое время — ужасно для думающего современника. Свидетельства Александра Пумпянского о новейших временах; исполненные им портреты разных политических систем и политиков; описание болевых точек человечества и поиски общего знаменателя — все это вы найдете в этой книге. Как говорится на популярном ныне интернет-языке, «многобукв» — но оно того стоит.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106069-5

© Пумпянский А., текст
© Игонин В., дизайн обложки
© ООО «Издательство АСТ»

ОТ АВТОРА

Журналист отличается от писателя тем, что он не придумывает события, он их описывает. Он не сочиняет сюжеты, их «сочиняет» кто-то другой наверху, гораздо выше, чем вы подумали. Задача журналиста их расшифровывать, прочесть Высший промысел — логику происходящего, социально-политические закономерности, ходы истории. Журналист — объективный писатель (по крайней мере, должен быть таковым).

Тема этой книжки — диктаторы и террористы. Два явления древних, как Библия и куда как современных. Два худших мировых зла. Это множество самых разных историй, драматичных, трагичных по высшему счету.

События имеют свойство развиваться — порой долго и самым причудливым образом. Так что писались эти истории, естественно, не в один присест, даты в конце каждого фрагмента фиксируют текущий момент. Задача хроникера — понять, куда и как они текут, сложить верную картину.

У пишущего есть взгляды и пристрастия. Читатель быстро разберется в них. Но я старался быть объективным.

АССАСИНЫ, НЕМНОГО ГАШИША И МНОГО НАРКОТИКА ВЛАСТИ

*Кое-что про слова —
вместо предисловия*

Ассасины. Это слово вошло в европейские языки, словно нож наемного убийцы. То, что оно восточного происхождения, не вызывает сомнения, но вот по поводу его зачатия существуют разночтения. Или, если хотите, историческая инвариантность.

Кто-то производит его от собственного имени Хасан ибн Сабах — был такой характерный персонаж на Ближнем Востоке, известный еще как Старец Горы.

Другие — от нарочито уничижительного арабского слова, означающего что-то вроде: отщепенцы, люди за чертой.

Прославленному венецианцу Марко Поло принадлежит самая интригующая версия. Он уверен, что корень слова — гашиш!

За тысячу лет история обросла легендами и сама превратилась в миф. Пройдемся по его составным частям.

Хасан ибн Сабах — очередной воитель за святую веру, каковой, без сомнения, являлась близкая ему подветвь исмаилитской ветви мусульманства. На рубеже XI–XII веков он утверждал ее против врагов внутренних — сторонников всех других ветвей мусульманства, и врагов внешних, нагрянувших из Европы — крестоносцев, попутно решая свои практические задачи. Утверждал особым способом: он создал Орден ассасинов — убийц.

Воевать со всеми противниками долго и накладно. Да и зачем, когда дело можно решить одним ударом ножа?

Он обосновался в крепости Аламут — по нынешней географии в северо-западном Иране. Свою организацию Ибн Сабах называл *Asās*, Общество Веры, а его членов — *Asasiyun*, благоверные. Выстроена она была безупречно. На вершине вождь, он же пророк. Ниже благоверные — «несущие волю», поделенные на два уровня, только высший уровень имел доступ к вождю. Дальше шли «товарищи». В самом низу располагались «последователи» — человеческий материал. Действия всей пирамиды власти были направлены на то, чтобы сделать из этих людей гвозди.

Люди-гвозди получали звание *федаяи* (жертвующие собой). Они были заточены на два действия: самым коротким способом забрать жизнь у того, на кого укажет высший перст, и без колебаний отдать свою. Все остальное было избыточным.

С душой этих «избранников наоборот» в Аламуте работали так же тщательно, как и с телом. При этом средством, которое доводило федаяев до кондиции, был гашиш — он давал ощущение рая. Ощущение рая ассоциировалось у молодых людей с личностью их великого предводителя. Только от Старца Горы зависело, попадут ли они в рай, будь то конечная инстанция для самых достойных или пока земная его репетиция.

Так, во всяком случае, утверждает Марко Поло.

Между прочим, именно эту легенду — со ссылкой на знаменитого путешественника пересказывает граф Монтекристо. Послушаем его: Старец «приглашал избранных и угощал их, по словам Марко Поло, некоей травой, которая переносила их в эдем, где их ждали вечно цветущие растения, вечно спелые плоды, вечно юные девы. То, что

эти счастливые юноши принимали за действительность, была мечта, но мечта такая сладостная, такая упоительная, такая страстная, что они продавали за неё душу и тело тому, кто её дарил им, повиновались ему, как богу, шли на край света убивать указанную им жертву и безропотно умирали мучительной смертью в надежде, что это лишь переход к той блаженной жизни, которую им сулила священная трава».

Не доверять графу Монтекристо? Невозможно. И пусть критики утверждают, что не находят подтверждения этой теории в мусульманских источниках.

Так или иначе не вызывает сомнения сам фактор индоктринации. Убийства творились во имя веры. Ассасины были не простые наемники, они были воины джихада, защитники святого дела, орудия небесной кары. Неважно, что она была сосредоточена в одних земных руках. Ведь он, Старец Горы, говорил именно так: «Убийство этого шайтана предвосхитит райское блаженство!»

Аламут — прообраз нынешнего терроризма. Внизу напрашивается параллель: федаи — шахиды. Сверху вертикаль идеальной диктатуры — чистая Орвеллиана: *Большой Брат, Внутренняя Партия, Внешняя Партия*. Структура Аламута пунктуально повторяет общество «1984». Поскольку плагиат из будущего маловероятен, то приходится признать, что это матрица. Всякое тоталитарное общество строится по этому принципу.

Уместно напомнить диалог жертвы и палача из этого романа XX века.

6

«Он (Уинстон) заранее знал, что скажет О'Брайен: что партия ищет власти не ради нее самой, а ради блага большинства... Это партия вечный опекун слабых, преданный идее орден, который творит зло во имя добра, жертвует собственным счастьем ради счастья других...»

Однако неожиданно для Уинстона О'Брайен отбрасывает демагогию.

«Теперь я сам отвечу на этот вопрос. Вот как. Партия стремится к власти исключительно ради нее самой. Нас не занимает чужое благо, только власть... Власть — не средство, она цель. Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранять революцию; революцию совершают для того, чтобы установить

диктатуру. Цель репрессий — репрессии. Цель пытки — пытка. Цель власти — власть...

И помните, что это навечно. Лицо для растаптывания всегда найдется. Всегда найдется еретик, враг общества для того, чтобы его снова и снова побеждали и унижали... Никогда не прекратятся шпионство, предательства, аресты, пытки, казни, исчезновения. Это будет мир террора...»

Terror по-русски ужас. Террор — наведение ужаса. Терроризм — диктат наведением ужаса.

Примеры терроризма можно найти в Библии. Именами великих и ужасных диктатур история усыпана с древнейших времен. Отличить, оторвать одно от другого невозможно.

Плутарх описывает сцену из времен раннего Суллы. «Большинство из обреченных на смерть триумвиры были намерены подвергнуть публичной проскрипции после вступления своего в Рим. Но двенадцать человек, или, как утверждают другие, семнадцать, из наиболее влиятельных, в том числе и Цицерона, решено было устранить ранее остальных, подослав к ним убийц немедленно. Четверо из них были умерщвлены сразу. Но в то время как по Риму разыскивали других и обыскивали дома и храмы, внезапное смятение охватило город, и всю ночь были крики, беготня, рыдания, словно во взятом неприятелем городе...»

Случались и анекдоты. Султан Бейбарс I так часто отправлял своих гостей на тот свет, угощая их отравленными напитками, что однажды сам по ошибке выпил собственноручно приготовленный бокал с коктейлем из верблюжьего молока с ядом.

Тирания возникла в Древней Греции. Классическими *деспотиями* являлись Ассирия, Вавилон, Древний Египет, Персидские царства. Появлением *диктатуры* мы обязаны Древнему Риму.

Между тем, прежде чем сами эти слова обрели современный смысл, они проделали драматическую эволюцию. *Диктатор*, к примеру, был высшее должностное лицо, облеченное всей полнотой государственной власти. При этом изначально он назначался решением сената лишь в чрезвычайных случаях (например, на время ведения войны) и на срок не более шести месяцев. Но вот беда: ограничения тягостны для честолюбивого правителя, они ме-

шают ему творить общественное благо. И он быстро усваивает, что тирания действительно самый удобный способ разрешения конфликтов с оппонентами. Чрезвычайные положения можно искусно продлевать, а противников подвергнуть высылке — очень либеральная мера, а то и казни, заодно пополнив их имуществом казну. Конечно, делать это надо умело, опираясь на вооруженную силу, личную преданность которой надо обеспечить в первую очередь, на безудержную демагогию про защиту народного дела (греческое слово *демагогия* когда-то означало просто «общественная деятельность», но тоже мутировало к сегодняшнему звучанию).

Так тираны, деспоты и диктаторы становились сами собой. Рассказы о мудрых и справедливых тиранах — бабушкины сказки, вечный пиар режима.

Тут пригодится греческий апокриф.

Начинающий тиран направил к соседу — опытному тирану посла, чтобы узнать, как лучше всего утвердить свою власть. В ответ тот молча прошел по полю, срезая верхушки колосьев. Совет был усвоен: выдающихся людей, особенно благородного происхождения следует устранять.

Но это только самое начало науки диктатуры. Ноу хау всевластия куда более разносторонне и изощренно. Полезно назваться «любимцем Венеры», как римский Сулла, и ввести проскрипции — списки врагов отечества, подлежащих убийству (за укрывательство проскрипта — тоже смерть!). Или объявить себя прямым потомком царей, правивших еще до Великого потопа, — полубогов Адапы и Гильгамеша, как ассирийский царь Синаххериб, и снести прославленный древний город Вавилон с лица земли. Или сжечь всю гуманитарную литературу, заживо зарыть в землю четыреста ученых (конфуцианцев), как это сделал Цинь Шихуанди, и задуматься о том, что пора принять титул выше царского. Хорош титул *ди* — императора. Но ведь надо посоветоваться с народом. После длительного обсуждения решено принять титул *хуанди* — высочайшего императора. Все советы с народом будут иметь такой характер.

Успешная диктатура всегда конструкция из двух половин: террор и сакрализация правления. В надстроечной части личный культ и идеологема прикрытия (все, что делается, делает-

ся ради высшей идеи). Но все величественное сооружение опирается на террор. Роль террора фундаментальна.

Исключительно эффективны казни. В древнекитайском царстве действовал длинный преискуронт этой государственной процедуры. Членам правившего рода и наиболее высокопоставленным чиновникам смерть «жаловалась». Император посылал обвиняемому меч, великодушно даруя ему возможность покончить самоубийством у себя дома. Более регулярными видами высшей меры наказания были: уничтожение трех родов преступника — рода отца, матери и жены (*исаньцзу*) или уничтожение одного только рода преступника (*цзу*). А как эффектно четвергование (*чэле*)! Руки и ноги осужденного привязывают к четырем различным колесницам, запряженным быками, затем по команде быков пускают вскачь, и тело разрывается на части. К этому надо добавить: разрубание пополам, разрубание на части, обезглавливание после казни, выставление головы на шесте в людных местах, обычно на базарной площади города, удушение, закапывание живьем, варка в большом котле, вылаивание ребер, пробивание темени острым предметом...

У этого стиля правления есть и свои издержки. Садизм органично сочетается с паранойей и манией преследования, за которую, впрочем, тоже расплачиваются окружающие. Корни бесчеловечности не в медицинской, а в социальной патологии. Психо властителей — продукт бесконтрольности. Масштаб преступлений — мера величия диктатуры.

Тамерлановы башни из черепов. Нерон любит зрелищем подожженного им Рима, играя на скрипке. Царь Ирод и избиение младенцев... Эти апофеозы диктатуры стали символами абсолютного зла. Присно и во веки веков.

Диктатура — простейшая формула власти. Террор — простейшее средство обеспечения власти. И то, и другое естественно в примитивном обществе, где нет других средств и скреп. И противопоказано зрелому обществу, котороеросло до общественного договора.

Речь необязательно о XXI веке. В Древней Греции в V веке до нашей эры отношение к *тирании* уже было однозначно негативное, именно тогда, свидетельствуют историки, этот термин приблизился к своему нынешнему значению. В ту давнюю пору развитой демократии тирания естественным

образом воспринималась как вызов справедливости, ибо она несовместима с самой основой существования гражданского коллектива — всеобщим равенством перед законом.

Французский философ и остроумец Пьер Буаст, которому принадлежит знаменитое *mot*: «Аристократия и демократия — сестры, которые различаются воспитанием, состоянием и манерами», высказался и на этот счет: «Деспотизм есть ложное верование, таинство которого состоит в том, чтобы заключить всю нацию в одного человека». И еще: «Деспотизм бывает уделом выродившихся наций; они его заслуживают и подвергаются, не чувствуя его».

Диктатура и террор — два соблазна всех власть имущих и жаждущих власти. В XX веке оба тренда побили все рекорды-антирекорды и нарушили все человеческие нормы.

Терроризм стал международным явлением, то есть мировым злом. Он приобрел неизбирательный характер и потому утратил всякое оправдание. Месть — эту сатисфакцию за страдания еще можно понять (не принять), это входит в логику человеческих эмоций. Но когда мишенью сознательно становятся случайные люди, бомба (человекобомба!) утрачивает всякую рациональную цель. Отправить на тот свет как можно больше неизвестных, ни в чем не повинных людей — за пределами всего. Это абсолютное преступление, и оно признано таковым в национальном и международном законе.

Не то с диктатурами. Тоталитарные эксперименты Сталина, Гитлера и Мао — вершина жанра. Такой массовой и радикальной переделки сознания человечество еще не знало. Преклонение перед вождями разогрето до степени национального исступления. На роль высшей идеи, отменяющей рацию, назначается каждый раз своя мания — утопия, она же национальная идея фикс, вознесшаяся до реальной претензии на мировое господство. Безумным целям соответствуют чудовищные средства. ГУЛАГ и концлагерь, голодомор, Холокост, «культурная революция»... Террор перерастает все границы, вырывается на уровень геноцида и демоцида, выливается в мировую войну.

То, что натворили в новейшей истории эти новейшие бичи Господа со своими народами и человечеством, безусловно, ставит диктатуры вне закона. Однако говорить об

этом можно лишь в моральном смысле. Не легальном. Юридическому осуждению подверглась лишь одна форма тоталитарной диктатуры — нацизм. Приговоры Нюрнбергских процессов — историческая веха, но и они, увы, не работают как универсальный прецедент.

Ну и как прикажете быть с диктаторами? Стэнфордский профессор доктор Шмиттер предложил Организации Объединенных Наций оборудовать для них остров наподобие Эльбы. Он и местечко подходящее подыскал — в южной части Тихого океана. Увы, ООН не торопится — нет на этот счет консенсуса среди правительств. Не писан такой мировой закон, который бы объявлял диктатуры тем, чем они являются — преступлением против человечества. И судя по политическому дискурсу на высшем уровне в отношении таких однозначно одиозных фигур, как Саддам или Каддафи, с ним не торопятся. А потому сирийский Асад II мог вести необъявленную войну против собственного народа, сколько ему заблагорассудится. А северокорейский Ким III объявлять ядерную войну всем своим противникам и по совестительству кормильцам скопом по три раза на дню...

А идея неслабая: только представить себе эту встречу на Эльбе!

Январь 2014 г.

1776 ФУТОВ НАД ЭПИЦЕНТРОМ

Декада 9/11. Четыре вспышки

Нью-Йорк — мегаполис и мегаполис всех контрастов. Его проклянут или им восхищаются, им грезят или из него бегут — середины он не знает. Это делают сами американцы, что уж тут говорить об иностранцах! Говорят, что настоящий Нью-Йорк — это Манхэттен. Говорят, что Нью-Йорк — это не настоящая Америка.. Полвека, если не век назад, он уже был городом XXI века, что, впрочем, необязательно воспринималось как комплимент.

12

Стоило подняться на смотровую площадку на 110-м этаже одной из двух Башен-близнецов Всемирного торгового центра, и все эти публицистические банальности вмиг вылетали из головы.

Нью-Йорк. Вид сверху

Фантастическое, ни с чем не сравнимое зрелище — этот невысказанный город, — самое яркое, могучее и парадоксальное порождение американского национального духа и социального характера, слепок этой цивилизации с ее горды-

ней и практицизмом, с буйством сил, не помещающихся ни в каких границах, алчностью и техническим гением, с безоглядным экспериментаторством и новыми представлениями о красоте и уродстве. Новая классика урбанизма. Рим, Париж, Лондон — в них застыла гармония прошлых столетий. Памятником XX веку может быть только Нью-Йорк. С вершины 110-го этажа башни-близняшки он был виден как на ладони.

Этой вершины больше нет.

По-английски пик, вершина — summit. Словечко вошло в наш язык, правда, только политический, после серии встреч на высшем уровне, которые образно назвали саммитами. Башни-близнецы были пиком, двуглавой вершиной не просто Нью-Йорка, но всей западной цивилизации, мирового рынка. Самая дорогая недвижимость на земле, каждую ячейку которой заполняли самые высокооплачиваемые мозги финансового мира, нервными окончаниями самых современных и совершенных коммуникаций соединенные с банками, биржами, транснациональными корпорациями, посылавшие во все концы мира команды, совокупная цена которых исчислялась сотнями миллиардов долларов. 50-тысячная толпа уникальных специалистов, два раза по 110 этажей самой ценной экспертизы и самых дорогостоящих решений были командным пунктом и нервной системой глобальной экономики. Крыша мира.

Крыша рухнула. Это случилось 11 сентября 2001 года.

9/11. Достаточно за упокой! Поговорим за здравие.

Мало кто избежал соблазна предаться эсхатологическим грезам в связи с кошмарным, невысказанным, действительно ранее непредставимым происшествием. Реальный сценарий в очередной раз превзошел все фильмы-катастрофы, которыми нас пугал неистощимый на выдумки Голливуд. Жизнь-катастрофа, мировая премьера! Не в состоянии оторваться от телеэкрана, шесть миллиардов потрясенных зрителей часами рассматривали повторы одних и тех же кадров. И все это в прайм-тайм человечества — на старте нового века и тысячелетия. Жуткий шок! С перепугу «Известия» в квазипередовой на следующее утро провозгласили пришествие эры ислама. По первому каналу заново рожденный — практически на наших глазах — христианский фундаменталист Мак-

сим Соколов заклеил прогнивший, потерявший волю к жизни Запад. Самые раскрученные наши маргиналы злобно увидели наконец воочию закат Америки. И разные голоса хором провозгласили Войну Миров.

Стоит немного успокоиться.

Беспримерная, дьявольская операция — вот что поразило наше воображение, парализовало разум. Какие силы тьмы могли совершить такое?

Между тем дьявольской является лишь сама идея — с помощью трех ножей превратить пассажирский самолет в крылатую ракету.

Автобусы с пассажирами захватывали неоднократно у нас в Минводах. Смертники-человекобомбы официально взяты на вооружение исламистами на Ближнем Востоке уже несколько лет назад. Угоны самолетов в последние десятилетия сродни дурной болезни. «Ноу-хау» Неизвестного Террориста заключается в том, что он объединил эти отработанные приемы и элементы в одну операцию и придал ей небывалый размах. Что тоже, впрочем, не делает ее чем-то сверхъестественным: угнать четыре самолета вовсе не в четыре раза трудней, чем угнать один самолет. Может быть, Неизвестный Террорист даже сам не верил в такой оглушительный успех своей затее: что все четыре самолета будут действительно угнаны и что три из них поразят цели. Может быть, он просто страховался, ему было достаточно и одного шанса из четырех. А выпал джек-пот.

В этом ему сильно помогла сама Америка. Самолетов в ее небе пруд пруди — как автобусов. На самых напряженных маршрутах вроде Нью-Йорк — Вашингтон или Нью-Йорк — Бостон они и летают в режиме автобусного сообщения. Вдобавок у пилотов была привычка держать двери в кабину открытыми и привечать всех любознательных, так что злоумышленникам оставалось только пронести на борт ножи — все остальное проблем не составляло.

Так или иначе Неизвестному Террористу удалось доказать то, что он хотел доказать: если ломом ударить по самому совершенному компьютеру, то и из самого совершенного компьютера можно вышибить мозги. Думается, однако, что это последняя столь успешная мозговая атака Неизвестного Террориста.

Паники даже в обреченных небоскребах, как свидетельствуют спасшиеся очевидцы, не было. Конец света тем более не наступит.

Башни-близняшки вырастут заново. Показухи не будет, но весь мир увидит, как американцы умеют быстро и эффективно строить уникальные объекты. Уже через несколько лет главы Центра международной торговли вознесутся на прежнюю, а может быть, и новую, рекордную, высоту. В том, что в стройку будут заложены самые последние достижения науки и техники, не говоря уже о новых параметрах прочности, можно не сомневаться.

Совокупная деятельность пострадавших финансовых институтов — арендаторов ЦМТ, несмотря на потери интеллектуального капитала, будет восстановлена в считанные недели и месяцы. Жизнеспособность высокоорганизованного бизнеса исключительно велика.

Доллар фактически не пошатнулся — разве что в наших обменниках, и то на несколько часов, но это уже вопрос нашей психики, а не американской физики.

Если же говорить об американской психике, то я думаю, что шок, который пережила Америка, оставит в ней глубокий след. Но вовсе не тот, на который рассчитывали планировщики террора.

Американский ответ на дерзкий удар терроризма будет не просто военным. Безусловно, в военно-политической сфере США пойдут очень далеко. Они возьмут дело борьбы с международным терроризмом в свои руки, предложив НАТО, ООН, разным странам по отдельности и всему мировому сообществу в целом присоединиться к ним. На тех, кто будет кочевряжиться, оборачиваться не будут.

Слово «война» первым произнес президент Буш. Ему вторил госсекретарь Пауэлл. Но это не война миров. И это не мировая война, хотя она не будет знать границ. Это ничем не ограниченная, кроме цели, операция без видимого конца, «ограниченная война» против мирового терроризма. Неизвестные террористы должны стать известными. Единственным их убежищем должна быть могила. Такова объявленная цель. Но этого американцам будет мало.

Удар пришелся американцам в самый чувствительный центр, поражено их чувство безопасности. А это как раз то